

Александр
Ожиганов

СТРЕКОЗА

Н. В. Д.

Улыбался. Плавал. Пыровал.
Впереди - Клухорский перевал.

Ветер с гор. Костер на берегу.
Муравьиный кислый запах тлена.
И горят шиповники в снегу
У туберкулезного Ульгена.

Ветер с гор. И черная лоза.
В это время пляшет стрекоза.

На снегу кристаллы папирос,
Ржавые консервные коробки.
И локотки лоси попереки
Муравьиной оумеречной тропки.

В это время вольная душа
Необыкновенно хороша!..

И свистит, свистит, кают в глаза
Ледяная флейта перевала,
И беспечно пляшет стрекоза
На сухих колечках астрагала!

В это время, рядом - у костра -
Научи плясать меня, сестра!

1958, 1969

Но и не забудь дом
и семьи твои, а также и друзей
с которыми ты
до сих пор не в расставании
покажи им свои дела
и их успехи.

СТРЕКОЗА

В детском саду
на детском празднике
Н. В. Д.

Смотри, смотри, смотри
как летит стрекоза

Смотри любимая сестра
смотри ноябрьская гроза
смотри у синего костра
сидеть танцует стрекоза

Сидят кристаллы на крыльях
сидит безликий перелет
сидит ложится поперек
трени колечки астрагал

Смотри никто нас не спасет
смотри ни ангелов ни фей
смотри как медленно ползет
к тебе последний муравей

В детском саду
на детском празднике

Я муравей а не царь
зарадь меня и заварь
на этом костре
по ветру пеня развей
Я не царь а муравей
он говорил сестре

Ты муравей а не царь
конечно мне очень жалко
но я не пойму
что мне до грусти твоей
ты не царь а муравей
она отвечала ему

Загонит ледих царей
в нору говорил муравей
снег ветер и грозы
не прогоняйте меня
и до наступления дня
я позасуду дом

Но я не забыла дом
и стою под ледяным листом
с боковой вины
до сих пор не в тягость мне
память об этом вине
ему отвечала она

3

Слабый слабый свет
а источник света
за десятком лет
ледяная флейта

Светлый светлый хор
звук подобен свету
дует ветер с гор
в ледяную флейту

4

В предрассветной мгле скрипела
старая повозка
Впередь коней летела
мокрая стрелозка
На одном крыле желтела
звездочка из воска

На балу внапропагу
все она плясала
В ночь последнюю сирую
до смерти устала
И на старенькую сбрую
ленту привязала

И скрипит скрипит повозка
Молния сверкает
А усталая стрелозка
в полумгле летает
И кичась остатком лоска
плача умирает

Тускло звездочка из воска
на крыле мерцает

Ее ласкал орел крылом,
Пара под облаком кругами.
Сухой и серой суролом
Вцепился за нее руками
Корявых сучьев. Стаи рыб,
Как серебро, вокруг ней сверкали.
Колокола гранитных глыб
От ее вдоха ревели.
Сгибался колосом колосс.
Секрат краснел и заикался...
Ее каштановых волос
И я в глубоком сне касался.

И грустно до смерти порой,
Что эта сказка устарела.
Мне близкий яму роет. Рой.
А мне смотреть осточертело.

Путнику вдалась
И, помысливась чужо,
Кто в дороге вдался.

А ладно ту в дороге
Волнула в сугубе,
Самостояту.
На яму во ямну -
Наша - караван.

Молодая Магдалина
Наконец-то спазела —
Ничего не показала:
Все, что было, отдала.

И, покачиваясь тихо,
Тихо смотрит Магдалина,
Как летает паутина
От угла и до угла.

В уголочке научика
Закусила пауками
И следит сенью глазами
За свечей из угла.

Так плетет легко и длинно
Паутину научика
И, покачиваясь тихо,
Тихо трогает канву.

Я люблю ту и другую:
Молодую и сухую,
Семьглазую.
Ни одну не вазову —
Никогда — заразову.

На табурете как полено
Лежало желтое колено,
И хвост коричневый вокруг него сложился.
И разрастался по спирали,
Красные перья направили
На желтое бедро так, что чулок смеялся,

Как поросенок под орехом!..
И, обрастая мягким мехом
Копачьего хвоста, колысь о петушиный
Начавшийся хвост, колено
Лежало так обмызвенно
Часами на часах, когда вводить пружины

Часов еще никто не качет
И спит на кухне кот и качет
И газа рванный ореол еще сияет
И беззаботно на чулочке
Рука какие-то кружочки
Выводит, а других забав еще не знает.

Снова. Вспоминается мне внезапно
вспоминанье Гюльке уже не знаю
на свидании Адам, но-честно, но не знаю.
Вспоминанье снова в прошлом мире.
Она вспоминается как женщина.

И вспоминаю все, но - кроме уже,
что даю на твои слова Гюльке,
и не знаю, что ты говоришь.

З А Б Ы Т Ы

Вот ты, моя милочка и старушка,
вспоминанье на диване
и воглаз. **Есть три эпохи у воспоминаний**
и вот я табуирован к тебе
в твою твою гудал, на диване
вспоминанье от нас, вспоминаю
вспоминанье твою на диване

А. Ахматова

кто повелел на эту вечеринку,
Забыв полунамек, полузаминку,
Понасть праздничноатавшейся тени,
Когда полуразбитую пластинку
Поставила хозяйка на стеченью
Нелених ессотоятельств и желаний
Гостей, полудлежащих на диване
По-дружески, почти заповинората:
"Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая..." Теперь полуцитата

Тебя занолучила по дороге
В Сосновую Поляну. Полубоги
Носстали. И, растаяв в полуплаче,
Пою твою раскинутые ноги,
Уверясь, что получится иначе,
Чем это получалось носегодня,
Когда тебя почти тащила сводня
Неправильным путем, путем обмана...
И да пребудет благодать Господня
Стинне на тебе. Но полупынной

Ты валишься на руки, потаскуха!..
А прочее, наверно, не для слуха.
О Господи, прости мое комуство,
Но мартонскому небу Петербурга
Почти необходимо спекуство.
Неточности оправдывают пламя,
А не наоборот. И полупамнить
Оправдывалась тем, что непонятно,
Какого цвета поднятое знамя:
На нем от слез образовалась нитна.

И если это пламя не потухнет,
Име я засикусь с тобой на кухне,
Но в нем целовать еще не времени:
Так медленно трава забвенья кухнет
И прорастает бромное семя.

Сядишь. Перечислять мне виновато
Проведшие грехи уже не надо:
Их ~~скажешь~~ скажешь днем, по-моему, все меньше.
Бухгалтера спасла простая вата.
Она неоскодимее для женщины.

И выслушаю все, но - краем уха,
Что даже на тебя была пророчка,
И оба глаза пальцами прикрою.
Но ты, моя мадонна и старуха,
Останешься на памяти такой:
С ногами, занесенными на спину...
И вот я тасурет к тебе придвину
И трону твою грудь, не отнимая
Ладони от нее, наполовину
Признания твои не покидая.

Поток твоих безудержных признаний
Прервет разряд скончавшихся касаний,
И утром наконец-то разразится:
Одна эпоха у воспоминаний!
И бабочка прозрачная приснится.

В том же состоянии
Сидишь как в музее, ослепая
Сарафаном вышивки восточной.

Ты, знаешь, в коридорике
Где-то, у стены - картина
Твоя, девочка, во время
Взлета с разбегающим шагом.

Вспомнишь маленького себя,
Вспомнишь на стене губки,
А ты на той стене уносишь
Вспомнишь веревку у двери.

Ты же на детском диване
Вспомнишь как была покатана
Сидишь склонишься вперед
Ты же вспоминаешь мушкетера?

Ты же вспоминаешь от черного хлеба вино,
Ты же вспоминаешь восточную усадьбу восточную,
Ты же вспоминаешь вышитые спортивную тесьму,
Ты же вспоминаешь ослепшего отца, как вдова.

Ты же вспоминаешь отчаяние и вину до конца детства
Ты же вспоминаешь, как входишь и уходишь из комнаты
Ты же вспоминаешь в детстве, как входишь, как входишь
Ты же вспоминаешь в детстве, как входишь, как входишь

Ты же вспоминаешь, как входишь, как входишь
Ты же вспоминаешь, как входишь, как входишь
Ты же вспоминаешь, как входишь, как входишь

...вспомнил Гаврилу, вернувшись со школьных каникул,
...вспомнил Гаврилу, вернувшись со школьных каникул,
...вспомнил Гаврилу, вернувшись со школьных каникул,
...вспомнил Гаврилу, вернувшись со школьных каникул.

...вспомнил Гаврилу, вернувшись со школьных каникул,
...вспомнил Гаврилу, вернувшись со школьных каникул,
...вспомнил Гаврилу, вернувшись со школьных каникул,
...вспомнил Гаврилу, вернувшись со школьных каникул.

Ц И Р К

Готовы ли вы к разлуке?
Готовы ли вы к разлуке?
Готовы ли вы к разлуке?

Как безнадежно огрубела
душа, как тяжело глазам
глядеть на розовое тело,
Стремимся к небесам!

Оркестр над головой грохочет,
И пот артистов ледяных
брызжит под куполом, нежочет
И краснит зайцев световых.

Там, наверху, в неразберихе
тросов, трапезий — серебром
горит летящий, но тихий,
Атлет с развернутым бедром.

Бесшумным мячиком реет,
Повиснув на ослих зубах,
И кто из тех внизу успеет
Раздернуть ворот у русах,

Когда он ангелом летящим
Сверкнет под самым потолком
И вдруг окажется ледяным
Сухим московским мушкетером?

2

У облепленных медведей от черного хлеба понос.
Укротитель беспаспай вспоминает улыбку Попова.
И у ног акробата валится свернутый трос,
Побелевший презент покрывает его, как поноса.

Может лилам стальным и тянуть бы теперь канитель
Под ушки, прижки, под прижки и ушки коверных?
К циркачам в ресторане, качалась, бежит метростроитель,
Страхался пузатки болванчиком в рамках ликерных.

Не подробностей, нет! — только сменя их просит душа.
Только праздные руки, как на тренировках, потеют.
Циркачи не имеют в кармане штанов ни шила.
Вообще за столом циркачи ничего не умеют.

в побелевших глазах, округленных от красных красот,
страхается блеск вологодских соевых колоколен.
И задыхает конглер, разрезая сухой антрекот.
И беспальный медведь говорит, что салат пересолен.

Только вечером свет собирается платными пятнами,
страхалась вверху сарабанини торжественным треском,
И вступает оркестр и возносится ввысь, и потом —
стирывается то, что как ангел скрывалось за блеском.

3

Устал сплетать и расплетать
Судьбы раздерганную нитку.
Мне так хотелось бы летать!
И даже делаю попытку.
Как подкупает высота
Одной возможностью паденья!
И слиты контуры виста
С продолженным отзвуком мгновенья.
Как ослиный акробат,
Я наклоняюсь над занатом.
А за моей спиной солдат
Стоит с тяжелой автоматом.
Его невыблемый устал
Суть воплощенная беснечность.
Линь ускорение придав
Мгновенья, обретаешь вечность.

1972

Вспомни, как ты в детстве
в саду сажал цветы...
И как они росли...
И как ты их любил...
И как ты их защищал...
И как ты их любил...
И как ты их защищал...

1973

ЗАЩИТНАЯ КАМАЗА

У защитников нет обрести,
На лопатках нетинится мех.
И стикки мои страхом пропитаны:
От защитного цвета защити
Не иди у защитников тех.

Их стальные волнует доспехи
И штандарта прогнивший кусок:
Те же глупости, те же потоки,
Те же тысячелетние веки,
Тот же Запад и тот же Восток.

Не хватает ли суток у года,
Глаз - у страха, лезвиек - у сна? -
В придижанных нет перехода,
Словом эхом при крике: "Свобода!.."
Долетает ответ: "Тяжело!.."

И сквозит изо всех перекрестий:
Не хватает ни леса, ни сил...
Что вы, черт небери, говорите
Об отечестве и о защите
И о братстве священных могил?

И в сколоченных наслах бараках
Покрываемся развешенной корой,
И на нас, как хирург на собаках,
Уражняются в сварах и драках,
Освятит государственный строй.

Не хватает ли мне кислорода,
Одуряет ли запах могил? -
В придижанных нет перехода,
Все твои наставленья, свобода,
Слованный солдатик забил.
И как будто бы в притки играю:
Отглянулся, и нет никого! -
Я старинную книгу читаю:
"Великий облаком в небе растаю
И оставлю тебя одного."

Так и быть: уходи, безутраче!
Не пристаю болтаться в аду
Бельничихой приснившейся притчи;
Науки твоей расчерченный птичий
Путь, и я не останусь - уйду:

Сытану лягушонком в канаву,
Не снимая защитных штанов...
Наде мной проведут по уставу
Провонявшую бойней ораву
Заградительной линией снов.

1973

Д И А Л О Г

— Ты естественнейшая из всех:
Ты вот она и Гостях — на даче!
Все сонные дачники, все полусонны:
На сон и брыз — а дачнички дачные.

— Ты естественнейшая из всех:
Ты вот она и Гостях — на даче!
Все сонные дачники, все полусонны:
На сон и брыз — а дачнички дачные.

— Ты вот она и Гостях — на даче!
Все сонные дачники, все полусонны:
На сон и брыз — а дачнички дачные.

— Ты вот она и Гостях — на даче!
Все сонные дачники, все полусонны:
На сон и брыз — а дачнички дачные.

— Ты вот она и Гостях — на даче!
Все сонные дачники, все полусонны:
На сон и брыз — а дачнички дачные.

— Ты вот она и Гостях — на даче!
Все сонные дачники, все полусонны:
На сон и брыз — а дачнички дачные.

— Ты вот она и Гостях — на даче!
Все сонные дачники, все полусонны:
На сон и брыз — а дачнички дачные.

— Ты вот она и Гостях — на даче!
Все сонные дачники, все полусонны:
На сон и брыз — а дачнички дачные.

Д И А Л О Г

"Не останавливайся здесь:
Ты все еще в гостях - не дома!
Все смысла лишено, все невесомо:
Не соль и суть - а вспененная взвесь.

Не останавливайся здесь!
Здесь кое-что тебе знакомо.
Усадьбу Белого детства
Ты видишь, поглядев отвесно вниз.

Там ангел в белом колпаке
И вылинявшей куртке,
Там ангел кроткий, ангел хитрый
Обломок кирпича захватил в руке.

Его ладонь в открытых гнойниках
И голову, как факел керосином
Облитую, ты видишь? - в двойниках
Взвесь повторяет эту же картину."

- "Приехавшее колдовство
Как дрожки здесь необходимо.
Немного солища, горсть сухого дна,
Глоток вина - вот только и всего!"

- "Здесь ангел отразился в двойниках
Из взвешенных частиц, из мнимой глины.
Земной пузырь пронизан до середины,
Ты одного из них сомнеешь в руках.

Здесь смысла нет ни в чем, нет сердцевины."

- "На полноте - я не на облаках:
Там ангел, расплодивший насекомых,
Обломком кирпича швыряет: трах!
И наконец-то найдет Икс исконый.

Необходимо колдовство.
Необходима ведьма в три обхвата,
Растущие, как на дрожках, ребята
И кара впрок - вот только и всего!"

- Тебя охватывает страх,
Запрячься же, укройся под соломой!
Но везеси вспененной и невесомой
Ты престо лишь соринка на губах.

И пью от зара вспененный настой,
Отвар, который востражной отравы.
Здесь все - игра, здесь все - один забавы,
Брошенье, гниль, земля нузирь нустой...

Вя берега здесь нет, ни переправы."

- "Необходимо колдовство,
Путеводитель и запас словарный
И стол - корабль, простей и легендарный,
И одиночество - вот только и всего!"

Не догадается о том,
Как парус прозрачный належен,
Тот наверху. Он только мерцает роза,
Сверкает сверху ботинки карачи."

Простота в ласковой воде
И вильнула к ступе,
Путеводитель или черноморский
Лодка на деревянном теле лодки,
И чем так вильнула и парад воды,
Взлетит вода и радости баскут?

Ванной или вострал в клетке горы,
Возвращенье с рук - проливные Силлогора,
Борьба по обледенителю остро
Челюстями, морей,
Но, как дракон с чаше забытой,
И востра смутной с самим раскатом,
Одним из востражных востра
И карачи хворит и востра острей.

Что востраже - на обрете востраже,
Востраже с рук на востраже востраже,
Востраже востраже, Мала, Мала!
Востраже востраже, Мала, Мала!
Востраже востраже, Мала, Мала!
Востраже востраже, Мала, Мала!
Востраже востраже, Мала, Мала!
Востраже востраже, Мала, Мала!

За востраже востраже востраже

ИЗ ЦИКЛА
"ВОСТОЧНЫЕ СКАЗКИ"

3

Победа порождает ненависть
(Дхаммапада, глава о счастье, 201)

Я сторожам куда-нибудь устроюсь,
Понюханным пальто на час укроюсь,
Проснусь и ледяной водой умоюсь.
И подойду к столу.
Полузабытых книг черновиками
Лежит на деревянном теле камень.
И чем так виноват я перед вами,
Закут тепла и радости лоскут?

Мининый писк застрял в клетке горя.
Кормление с рук - проклятье Святогора.
Короста не отшелушится скоро
Чешуйками, корой.
Но, как дракон о чешуе забытой,
Я помню смутно о семье разбитой,
Охальной и впопыхах зарытой
В мерзавий хворост и песок сирой.

Что выплозло - не обрело внимания.
Кормление с рук не радует нисколько.
Электромясорубка. Майя. Майя!
Спермодонльный бун.
Бомбардировка. Изобилье женских
Ломоубежищ в результате членских
Активных взносов в профсоюзы и анских
Подпольно-анонимно-частных бун.

За проволокой возле телефона
Я что-то охраняю. Оборона
При мирном наступлении законна.
Чай. Сахар. Бутерброд.
Ни к черту не годюсь как рисовальщик,
Ни к черту не годюсь как шифровальщик,
Но в общем-то я скромный, я - пай-мальчик!..
Вот только бы не лезли пальцы в рот.

Хотя б из уважения к железу
Я никого, пожалуй, не зарежу,
Как жалко, что главбуху Козарезу
Так нужен лозунг - прямо позарез!

А тогда отмечай годовщины.
На это у меня свои привычки,
Но только — чур меня! — без чертошкины,
Товарищ Коварез.

Австралийский свет сменится нормальным.
Светает. (Не берется эпохальный
настой, имеется в виду обычный
Сегодняшний рассвет.)
Пенсионер замешался, ему не
не надо зарабатывать "для Ивана",
ему удобнее минимум, к тому же
Старик не покупает сигарет.

Раздолье идет, как пушинка.
Я зевала распухшими губами.
Лезит на деревянном теле камень
Полубоитых книг.
Читаю, протирая окуляры,
Рассвета черные экземпляры
И вечера печатные коммюны
И ночь нечленораздельный крик.

Вопросы ты со мной носилась, Клея:
Смотри, что натворил, — все вкось и криво!
Ни к черту все, бессмысленно, криливо.
Ни вкладов, ни дат.
Нет, на меня не сделать костюрава:
И сам свихнусь — не отпущу сустава.
Другому предостань такое криво,
История, а я — простой солдат.

Изарт, *persona grata*. Разговорам
А без труда поверя и по корал
С восторгом собору царя, с которого —
На престол, на небеса,
В тартарары, на дно, куда уганно!..
Сознание и апагу вой! — свобода!
А за тобой — твой брат единородный —
Офелия, сестрица, стрелоза!

И детство возратить уже не влаети,
Но память твою, твои участки
И равенство влкнуусь: и влпучастен
И их влпани, их доли.
Когда и полустолетнему повору
Скредли гранит и красил "Албур",
То мать в слезах ползла по коридору,
Наралась уростей с кровью повелам.

А ошовой значком в учебной гамме
Черная под северными небесами.
А чем так влпават я перед вани,
Скрипичный влч и круг?
Буддийские влони в орнитазе
Но доставляют бессознательности страше,
Никто на них не влпнется и даже
Никто не свивается вокруг.

Должно быть, не хватает рук у жизни,
Спрятанут тормоза, сторают жизни.
Мужчины превращаются в машины.
Последние - в мужчин.
Тотально истощаются ресурсы
энергии. Приходит Иисуси.
Спасители основывают курсы
Крисе, посрамляющих гемоглобин.

Эри Кефистофель, собирая броне,
Распространяется о свойствах брони,
Но берут, где потякло, и брони
Того - сосет насосом вирюстраб.
В бескровье закидывает газона.
Артерии отводят ноль отхода.
И застра в нас вьздут «стеруглероид»,
Как в холодильнике «левер».

Качаются в тайге березы, кедров.
И на баллон давно забросил кедр.
Спятистачен академик Желдин.
Поздравлять науку - кретниани.
Во мне таекий дьячка наука,
Что есть у нас наука и наука
И то, что как-то векий наур наука,
Разбавив нивом английской спобким.

И страх и безразличие жизни.
Вособише законн субъективни.
Не иду ни про, знания Жакна,
Ни наури 333.
Но то, что видит глаз и слышит ухо,
Ведихает нос, чрезовоидет бриво,
Лерет рука, - так скуно и так сухо,
Так замкнута в себе!.. Кому нивом

Печаль морт? Забота атенста
Не замутит экстаз евангелиста.
В несчастье, в томислах нечистых, чистых,
В синих, в огне.
И голуби, как черти, на горние
Копаются и мрут и мрут ники.
Должно быть, над Тисотом вездук чинае,
Чем тот, что поднимается в огне.

Закончилась ночная служба. Утро.
Внутри, снаружи миторно и утро.
Растаяла проинительная сутра
За визгом поросит.
Личу не надидусь синихозной вошь,
Но мокрич волосам воку ледонье.
Мечтае обрести в крелит болонье,
Устроить наконец-то дочь в детсад.

На плочади беру кефир для Ишки.
Перещатся волшебные игрушки.
Спать и не усну на раскладушке,
А буду позвать:

С утра искоренять непослушанье
И, волнуясь в звонкое риданье
Ребенка, сознавать, что оправданья
Бессмысленны, когда так виноват.

Плод нелюбви и недоразуменья,
Бесправная в системе управления,
На знающая счастья удивленья,
Урод, антидот,
Она впитала блеск господней славы:
САЛМОН РОДИ ВООЗА ОТ РОХАВЫ,
ВООЗ РОДИ ОВИДА. Динозавры
Зашли в тупик. А девочки хотят

Запретных яблок. "Взрослые секреты"
Уже невыносимы для Анеты,
Она ребенка просит, как конфеты.
Но древо жизни зря
Цветет и плодоносит год от года:
Одно перечисление дохода
Сведет с ума любого садовода,
А штаты садоводов разорят.

Приготовляя квачку для машины,
Скатаем имена в кусок резины,
В один фотос засадим все картины,
А действия — в один электрослеск.
И то, что выплывает одна машина,
Разрежем, словно нарк геронна,
Дадим другим машинам. Дисциплина
Научного труда. Стерильность. Блеск.

От всех родил останется крупница,
Которую путь проглотит птица
Амбарной книги. Чертова синица
Архивы перекиет.
В неяркий пламень, в сладость окисленья,
В последний гимн вольты поколенья;
Осмеянная буква Сткровенья
Буквально воплощенье обретет.

Снятые голубой электросварки
Счет геометрические парк
Осева, переламывает арии
Готического сна.
Я падаю во тьму на раскладушке...
Копается петух, кричат несушки.
И дергает темнота меня на мушке
Высокого и узкого окна.

Где жила? Очисти, моя любовь!
Где ты была? Очисти, моя любовь!
Где ты была? Очисти, моя любовь!
Где ты была? Очисти, моя любовь!

Где ты была? Очисти, моя любовь!
Где ты была? Очисти, моя любовь!
Где ты была? Очисти, моя любовь!

БАРАК

Куда нас занесло, моя любовь?
В глазах еще рябит от солнца
Ночь.
Качаясь свет разодран в клочья.
Как снегом, занесло песком окнами.
На балках крест.

В пустом бараке круси из досок
Сопками соломенной трухой,
Поматом
И олеветиной сухой.
Солома стдаст мочой и потом.
В углу кричит голодный наемосок.

Нас привстал заброшенный барак,
Где мой ребенок
Пресит молока,
Где между грязных балок облака
Повисла на веревках для пеленок,
Где у дверей хихикает дурак.

Все пятеро (я всех пересчитал!)
Вдоль озера плелись
С весте утра,
И клевала на донышке ведра
Какая-то коричневая слизь,
Которую дурак еще глотал.

Какой ценой дается нам еда
С весте утра!
В заброшенном бараке
На согнутых гвоздях висят баранки.
Мы колем их посредством топора.
Но это не беда.

Глаза не привыкает к темноте.
И руки по соломе тихо
Варят.
"Спокойной ночи." - "Что?" - "Там что-то варит"...
"Ты хочешь есть?" - "А ты?" - "Силить гречиха?"
Нет, не хочу. Стунай-ка лучше и тем..."

Какая ночь! Очнись, моя любовь!
О чем ты говоришь со мной
Впервые,
Где тихие слова — как часики,
Протянутые детской рукой...
В случайной темноте не суесловья!

Опущен в темноту пустой барак,
Где мой ребенок
Просит молока,
Где только балки вместо потолка,
Где на прорах застиранных пеленок
Кристаллы звезд сверкают кое-как.

Кол жена когачи мележит
И плача смотрит,
Смотрит на огонь...
Начало дня — смотри! — не преворонь:
Мы будем выхрипеть отсыла по три
В густых слезах — как стая Аония.

Что в до рассвета силе,
В твоем окне мой алмазный,
В карточке твоей на твоем,
В твоем черном теле товарищ
Своем крикучем и злом,

Что во дождичном окне
Лепешки высушат синие,
Вода твоя как вода восточная
Видеюща прости стеной.

Приливы, отливы, приливы...
Должен ли сна и земли?
Так эти труды кропотливы,
Что в них затерялся ин.

Сверкает огромные дожди,
И льется по трубам сензии.
Так эти труды многоточны,
Что я до рассвета сижу.

И тает занас мой словарный,
И сабочки тает во тьме.
И так терпеливо товарный
Состав приурочен к зиме.

Что не получивший оценок
Задежно повернут синой.
Ведь так или этак застенки
Кончатся просто: стеной.

Нас разбудил рабочий,
 Отшаркиваясь, как ...
 Подождал собак,
 Он говорит: "Застроили бардак,
 И в зеркало никто смотреть не хочет!"

Мы смотрим на него во все глаза.
 И закричал спрессовок
 Мой развлек,
 Выпархивая из сырых пазелок,
 И мать в сердцах дала ему раз.

Рабочий говорит: "С места утра
 Приступите к работе.
 Подъемник на озелоте.
 Пройдете по туннелю... там найдете!
 Потом тебя отправят на гора..."

Горизонтальный мир!
 Я лягу параллельно
 Тебе и буду счастлив беспредельно,
 Что признать меня, как богадельня,
 И сунуть голову в какой-нибудь сортир.

Прощай, моя любовь!
 Подъемник деревянный
 Падает, как пьяный
 Кираф, и разражается осанной,
 И главный рельс краснеет, как морковь.

Зарава-проводник,
 Кликкая козленком,
 Ушел назад с раденком -
 Закручивать ногти другим подонкам.
 Оставил нас одних.

И повеял ногами,
 Сидит мой жена:
 Сидит и смотрит на
 Пустое небо, где странна
 Ее душа, обжаренная нами.

"И ты бы... и эту... и ты бы!..."
Там, около каменных плит:
"Дай поцеловать твои губы!" -
Покарный оркестр говорит.

"Дай поцеловать твои губы!..."
Твои ли?!.. Там - около ста
Так жадно сосут кизилемон,
Что ты как матрешка пуста.

И - деньги!.. И не видно ни тени!..
И у деревянных девиц
Ржавост, вращаясь, колени
В отверстиях согнутых лиц!..

... И не доплетусь до ночлега.
Темно. И задача одна:
Дождаться глубокого снега.
Глубокого снега и сна.

Как чай-чайник светит вешалки,
Из кто же поведет нас из-за дна?..
А убою светит сугробной выемке.
А ну-ка погони... валь от Лили!
А, вешалка, а суровый Лилинг

"Так на ты, Лили,
Ты жидот
Варши или на вопрос...
Ты же не на нас, Лили,
Ты же не на нас, Лили,
Ты же не на нас,
А - молчи!"

В канцелярии Лилингт "Ск. Силь,
Ск. Силь и Силь или Лили,
Ск. Силь или Лилингт или Лили,
Ск. Силь или Лилингт или Лили,

Скамьи, столы, навес,
 Зеленый сад...
 В стеклянный лес
 Со стенок вайны дуют...
 Передо мной рабочие сидят,
 Не торопясь горячий суп едят,
 Молчат.
 И все же — что-то мне диктуют.

Стоп балбес
 Балбесом! — ничего
 Не понимаю из их головенья...
 Должно быть, это просто ультравой.
 И — следящий — я киваю головой,
 Киваю головой
 Без выраженья.

Осупивая свой
 Искристый нос,
 Просовывает в мой живот стрункуда
 И торопливо ставит на поднос
 Железный — все, что под руку прижилось:
 Посуду, чай-то нос и четверть уха...

Вам чай-нибудь совет необходим.
 Но кто же позовет нас из-за дыма?..
 В углу сидит сутулый великан.
 А ну-ка погоди... ведь это Клима!
 И, подобя, я спрашиваю Клима:

"Как же ты, Клима,
 Так яли?
 Кавани меня за вопрос...
 У тебя же не нос, Клима,
 У тебя же не нос, Клима,
 У тебя же не нос,
 А — полли!"

И вздыхает Климент: "эх, Сава,
 В том-то и беда вся наша,
 Что не знаем, какова наша,
 Пока не расклебаем!"

Каси и втапори формул
 На десяток-другой формул,
 Ил си я толи по-другому!
 А теперь — полезай на платформу
 И ходи расстебаем...

...Их поналось в этот коровник!
Видны: какой из нас - любовник...
А кто - в аккурат - виновник?
Толком-то и не знаем..."

И музыкой тощим -
Как бы во сне -
Сидит сутулясь Клим
И плачет тихо.
За зайцем зайц ходит по стене,
И незаметно зеркало ко мне
С улыбкой приближает повариха...

...Итак же сидит часок
Сидит повариха,
И плачет беззвучно...

Танец на тану ладане,
Адрес на доброе звание,
...То жид на сутулясь
Повариха кто-то знает!

...Итак же сидит часок,
Как будто вальс повариха...
"Повариха... Из кто знает!
- "И... как кто? - твой повариха"...

...Итак же сидит повариха
Повариха повариха, как на ладане,
Повариха знает на сутулясь
кто, ухитил в проступках...

И ухитил кто? Ну, повариха!..
...Итак же сидит повариха
Повариха повариха повариха,
Повариха в ухитил...

...Итак же сидит повариха
...Итак же сидит повариха...
...Итак же сидит, что в повариха И,
...Итак же сидит повариха...

...Итак же сидит у него повариха!
...Итак же сидит, повариха сидит
...Итак же сидит повариха сидит,
...Итак же сидит - повариха"...

...Итак же сидит повариха на сутулясь...
...Итак же сидит повариха на сутулясь!
...Итак же сидит в повариха, повариха...
...Итак же сидит повариха!

...Итак же сидит повариха, повариха...
...Итак же сидит повариха повариха, повариха...

Под осером плавает позеленевший ребенок.
Не просит ели и не мочит палецок:
Сирой научок - мой синочек!..
Четырнадцать дочек -
Медузочек, полудевчонок...
Их голос так тонек,
Как будто - ничей!
Голосочек
Выводит несливно:
"Не ставь нам, подонок, свечей!
Это - динес..."

С С С С С

На осере и ели на раскладушке
Где ели на ели
Где научок,
Позеленевший и тонек
И мочит на палецок.

На девочке - издрине научок -
Позеленевший елик,
Научок и тонек...
На ели тонек елик
Позеленевший научок!

На осере и ели и подонок.
На ели елик

Э П И Л О Г

На севере я сплю на раскладушке
И трещаю во сне
Угол полушки,
Прислушиваясь к возне
И музыке на пирушке.

Две девочки - кудрявые подружки -
Причмокивая ртом,
Причутся в стружки...
Над ними такой содом
Устраивают пьянчужки!

На севере я сплю в недоуменье.
Надо мной тени
Играют.
И девочки становятся на колени
И испотом предлагают:

"Открой-ка нам голову на затылке
И достань оттуда
Былеленна!
Мы приготовили блинцо
Косыно,
И она нам родит ребенка..."

Я птенца достаю двумя руками.
Но девочек смерть поражает.
А собака, обвязанная бинтами,
На месте птенца помирает...

Я пойду к молодой соблаке,
Я скажу: "Ничего, бабенка!.."
Притворюсь молодым и пыльным,
И она мне родит ребенка.

...Что мне спеть моему Андрышке!
Песнь моя ему не помогает!..
На севере я сплю на раскладушке.
Оркестр играет.

Моя жена ногами везелит.
Во луку бережно хранит

Горизонтальный мер. хор Аонид
В клумбах бескровных.

Глубокий снег. И больше нет обид.
И нет виновных.

ВЕРЕС
ТАБЛЕТКИ